

как жена 4-го механика поделилась с подружкой, что "муж достал ей чудесные таблетки, она их приняла и сейчас прекрасно себя чувствует, хотя, конечно, все равно тошнит". Выдав "чудесные" таблетки в очередной раз, он взял несколько упаковок к себе в каюту, чтобы каждый раз не бегать в амбулаторию, тем более что для того чтобы туда попасть, нужно было выходить на открытую палубу, а дождь все продолжался, да и холодный ветер не утихал.

Однако на этом медицинские экзерсисы Кирилла не закончились. После завтрака к нему в каюту прибыл 4-й помощник и, помявшись у двери (что было для него уж очень не характерно), попросил:

— Алексеич, мне бы тоже пару таблеток...

— Тебе?! От чего?

— Да нет, не мне, жене.

— А, это другое дело, — старпом полез в ящик за таблетками, мысленно похвалив себя за предусмотрительность. — Какие: от головы, от живота, от качки?

— Да, понимаете, она у меня беременная, шесть месяцев...

— Я понимаю, ты говорил, так от чего — от головы, от живота, от качки?

— Да нет, понимаете у нее там кровь пошла, может вы посмотрите?

И тут до старпоба дошло.

— Что?! Куда я должен посмотреть и что я там должен увидеть?! Ты думаешь, что говоришь?

— Понимаете, — наконец-то покраснел Алексей, — я там тоже ничего не вижу... Может, какую-нибудь таблетку, а?

Далее, как в известном фильме, последовала непереводаемая игра слов с использованием непереводаемых идиоматических конструкций.

Однако после нескольких минут упражнений в риторике Кирилл понял, что что-то делать все равно нужно, и делать это придется ему. Успокоившись и поразмыслив, он предположил, что такого рода "болезни" женщины должны знать "по определению", и в конечном итоге, с помощью жены 4-го механика и медицинских справочников выдал девятнадцатилетней плачущей девочке таблетки, который ей помогли и, как оказалось позже, после консультации с врачом на берегу, были "выписаны" совершенно правильно. Название этого лекарства Кирилл запомнил на всю жизнь.

Закончив все эти медицинские и санитарно-профилактические мероприятия, старпом наконец-то добрался до мостика. Медицина медициной, а судно все-таки хоть и медленно, но уверенно продвигалось в сторону Турции, и старпом вовсе не был уверен, и несмотря на уверение туалтинского диспетчера, выход судна без официального оформления в портнадзоре, у пограничников и в таможене пройдет для него без последствий.

Прочитав на мостике свежую сводку погоды, Кирилл отметил, что шторм не утихает, но и не усиливается, и в районе Туапсе хуже не стало, а значит, можно было разворачиваться в сторону советского берега.

Оставался невыясненным один вопрос: как себя поведет в трюмах частично раскрепленный груз во время поворота на обратный курс, ведь на некоторое время судно станет опять лагом к волне и его должно сильно накренить. Так вот, сместится ли при этом груз? Если нет, то все в порядке и можно сделать еще один такой галс, или столько, сколько еще понадобится до улучшения погоды. А вот если — да, то о последствиях даже не хотелось думать.

Тем не менее, поворачивать все-таки было нужно, и старпом договорился со стармехом, что на время самого поворота он выжмет из машины все, что можно, чтобы поворот был выполнен как можно быстрее для уменьшения количества размахов бортовой качки.

Решение было принято, и от этого стало вроде бы немного легче, однако, когда все было готово к повороту, Кирилл все-таки какое-то время не решался да-

вать команду на поворот. Но делать нечего...

— Полный вперед, — и минуты через три, когда главный двигатель набрал обещанные стармехом обороты: — Право на борт!

Судно начало катиться вправо. Кирилл вышел на подветренное крыло, чтобы услышать, если в трюме загрохочет сместившийся груз стального проката и труб (спаси и сохрани!).

Судно начало крениться. Первый размах — 10 градусов крена ("ну, это ерунда"). Второй — 20 градусов ("ого, это уже сильно"), третий — 28 градусов ("не дай Бог!"), четвертый — 32 градуса (...), пятый — 26 градусов ("похоже, уменьшается"), шестой — 18 градусов ("пронесло!"). Судно легло на обратный курс.

— Ну вот, — произнес Кирилл, заходя на мостик с крыла и обращаясь к стоящим на мостике и не спускающим глаз с кренометра второму помощнику, начальнику рации и матросу на руле, — а вы боялись. Еще повоюем!

И только спустившись в каюту и прикурив сигарету с третьего раза, Кирилл обратил внимание, как дрожат руки. Ну, что ж, — припомнил он фразу, традиционно объясняющую все перипетии морской жизни, — кто на кого учился!

Еще два раза пришлось поворачивать на обратный курс, ожидая, когда погода улучшится настолько, что можно будет подойти к берегу и безопасно стать на якорную стоянку порта Туапсе.

И когда наконец-то погода смиловалась, разрешение на постановку на якорь было получено, и судно стало на рейд, на связь по УКВ вышел капитан, который уже приехал из Одессы:

— Ну, как, старпом, что на судне?

— Добрый день, Эдвард Владимирович, — ответил старпом, понимая, что капитан не ждет от него сейчас каких-то подробностей — это можно выяснить потом, а сейчас он хочет услышать только одну фразу, и он ее услышал, — на судне все в порядке, ждем вас на борту.

— Добро, я сейчас подойду на лоцботе, прикройте меня — погода для лоцбота еще свежая.

Кирилл подработал машиной и рулем так, чтобы развернуть судно на якорь и принять лоцбот с подветренного борта. Капитан поднялся к себе в каюту, и старпом зашел следом доложить о том, что произошло за эти трое суток.

Доклад занял не более трех минут — "без лирики", печать с капитанским факсимиле была возвращена на место — в ящик капитанского стола.

— Добро, — отреагировал капитан на доклад, — свободен.

Кирилл вышел из каюты капитана несколько обескураженный: он, конечно, не ожидал бурных изъятий восторга по поводу совершенного им "подвига", но простого "спасибо" ему вполне хватило бы. Все-таки он сам, без чьего-то разрешения или совета принимал достаточно серьезные решения в экстремальной обстановке, и, в конце концов, он "прикрыл" капитана от гнева начальства, так как если бы что-то было сделано неправильно, то сразу бы выяснилось, что капитана на борту не было, и уехал он в Одессу нелегально, вопреки запрещению пароходского начальства, и тогда... В общем — мало бы не показалось.

А потом была Одесса, потом отпуск, курсы повышения квалификации, затем опять судно, новые рейсы, новые эпизоды, ну, в общем, работа как работа.

И только через пару лет работы старпомом, когда Кирилл прошел еще через несколько подобных и еще всяких других случаев, он понял, что капитан был тогда прав, никакого подвига старпом не совершил, он просто нормально делал свою работу, для выполнения которой он учился и за выполнение которой он получает положенную зарплату.

Не больше. Но и не меньше...

Татьяна ОРБАТОВА

Смеющийся ангел

Сначала ангел сообщил мне о моем бессмертии. Потом поведал о смертном грехе, который я совершила в пятнадцать лет. Какой именно, не уточнял — перестал говорить со мной. Много лет я была в сомнениях и однажды надела розовые очки, подаренные ангелом в пятый сочельник от моего рождения, и вышла на улицу. Люди были синими, улицы — голубыми, а желто-красные флаги — фиолетовыми. "Странно. Очки-то розовые..." — подумала я и сняла их. Люди были синими, улицы — голубыми, а желто-красные флаги — фиолетовыми.

"Все имеет другой цвет?" — подумала я и снова надела розовые очки. Картина не изменилась. — Пессимизма в тебе многовато, — произнес у газетного киоска какой-то старик, водружая на свои утиль-морщины противогаз. Его лицо сразу же стало молодым, глаза — размером с неспелое яблоко, а нос — забавно утонченным. Захотелось смеяться.

— Смеешься ты многовато, — буркнул украшенный противогазом продавец мороженого, распечатывая на ксероксе пломбир и раздавая его прохожим вместе с призывом "Голосуйте за

тех, кто в противогазах". Одну порцию он насильно впихнул мне в руки. Мороженое было плоским и текло с ладоней цинковыми буквами. Захотелось плакать...

— Плачешь ты многовато, — злобно прошептал агент похоронного бюро, одновременно примеряя противогаз и закатывая в рулон гробы, предназначенные для тех, кто еще не умер и пока не собирался. Гробы, похожие на металлическую стружку, мягко стелились по полу, демонстрируя свою холодную элегантность. Захотелось купить боа.

— Боа стоит многовато, — с сомнением глянула на меня заведующая фирменным магазином, и, придерживая коленом сползающий с высокой башни-прически противогаз, принялась выщипывать из боа синие перья, чтобы покупка была мне по карману. Когда осталось всего несколько перьев, заведующая потребовала, чтобы я заплатила за боа полную цену. Увидев в моих молчаливых глазах несогласие, она предложила компромисс — я не плачу за боа, зато беру в подарок противогаз.

Я сняла розовые очки и примерила противогаз. Люди, улицы и флаги приобрели свой обычный

окрас. Все бы хорошо, но вот мой рот... В нем что-то мешало нормальному общению с людьми в противогазах. То ли язык онемел, то ли челюсти свело...

— От чихов-то штампованных слов у тебя полная щека, — услышала я голос. Это был ангел, который подзабыл, как выражать мысли вслух, так как не разговаривал с того момента, как мне исполнилось пятнадцать.

Я сняла противогаз и, набрав в легкие как можно больше воздуха, плюнула. Ангел рассмеялся, а чужие слова разлетелись из моего рта во все стороны, сначала затопив улицы родного города, а затем сотворив настоящее стихийное бедствие по всей стране. Люди бежали в панике по улицам городов, размахивая флагами и срывая друг с друга противогазы. А я все плевалась и плевалась... Голубыми газетными киосками, васильковыми плоскими пломбирами, уютными фиолетовыми гробами, синими ошпананными боа. Последнее, что я выплюнула, были розовые очки... Ангел, содрогаясь от хохота, поднял их с асфальта и примерил. Оглядевшись вокруг, он удивленно воскликнул:

— Надо же! Какую удачную штамповку избрал Главный!

В 2004 году, в июле, умерла педагог и литератор

Аделаида Ивановна Дубицкая.

Остались ее ученики, ее друзья, остались ее стихи...

Аделаида ДУБИЦКАЯ

Ухожу в стихи,
как снега в ручьи,
как вода в песок —
исчезаю...

Ты меня теперь
лучше не ищи,
я не знаю, где
обитаю...

Только чувствую,
что еще жива,
глубоко-глубинно,
подспудно.

Не найдут меня
там ничьи слова,
никому я там
неподсудна.

В тот особый мир
ты б попасть не смог,
туда можно лишь
просочиться —

Как снега — в ручьи,
как вода — в песок...
но с тобой так —
не случится...

Русский африканец,
стилизованный под иудея,
Черной тушью
бакенбардов
оживает в профиль
на твоих страницах.

Кудрявый танец,
острый кудрявый танец,
Черный танец твоего пера
на твоих рукописях
Мне всю жизнь
то ли видится,
то ли снится.

В ожидании
под цветущей липой
Своим режущим почерком
ты кромсал
страницы белого блокнота.
На свиданье,
опоздав, как полагалось
(навсегда, как оказалось),
Я примчалась,

невразумительно лепетала
оправдательное что-то...
Твои плечи все сердились
и вздымались
над скамейкой
ледяным Казбеком
и Эльбрусом.
Нежный вечер
сдался нам на милость
и утешил
легким примиреньем
каждого по вкусу.

...Русский африканец,
стилизованный под иудея,
в черном котелке,
опершись на парапет,
стоял над Невою...

...Черный танец
огромного зонта,
спасая от дождя,
кружил и вертел
черный котелок
над кудрявой головою.

...Белый танец
узорчатых просветов
чернеющей ограды
вдруг перечеркивался
тончайшей тростью —

Русский африканец,
стилизованный под иудея,
с изящным поклоном
на берегу Невы
встречает гостью...

Старинные одежды,
вычурные шляпы,
длинные плащи,
гармония линий —

Все мои надежды
эти росчерки пера —
черного пера —
бережно сохранили.

...На страницах рукописей
твоего изящного
моего любимого
белого блокнота

На закате дней
с твоего пера
в бакенбардах поэта
застыть
черной жемчужинкой —
вот и вся забота.

Усталые уста
впечатаны в молчание...
Усталые глаза
прощальны и мудры...
Не жги и не боли
во мне, мое отчаянье!
Не вздрагивайте, пальцы!
О, будьте так добры!

Не выдайте, глаза
меня слезой непрошеной...
О голос, не сорвись
до сумрачной тоски!
Будь счастлив,
мой нечаянный,
печалью запорошенный...
О сердце!
Ты зачем
колотишься в виски?

Носятся по галактикам
космические скитальцы —
Стружки цивилизаций,
осколки белых миров.
От пустоты и холода
некуда им деваться...
Был и у них когда-то
надежный и светлый кров.
Им подарили планету
с озерами и лесами,
Теплую и туманную —
думай, живи, смотри...
Они же с этой игрушкой
не знали, что делать,

сами —
Вот-вот разберут на части,
чтоб глянуть,
что там, внутри.

Остановить безумье
могли еще попытаться
Гордые астронавты
из звездного далека...

...Носятся по галактикам
космические скитальцы,
Бездомными
став однажды,
печальными — на века...

Публикация Ефима Ярошевского